

УДК 81'44

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/08>

Галиева М.Р.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЛОВО»
(на материале английского, русского и узбекского языков)

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование национально-культурной специфики концепта Слово и особенностей его вербализации в пословичных единицах английского, русского и узбекского языков. Научная новизна исследования обусловлена выявлением особенностей вербализации образного и ценностного компонентов концепта Слово в исследуемых языках. Образная составляющая структуры концепта Слово в каждом языке представлена метафорическими номинациями, которые по способу отражения когнитивного мышления подразделяются на предметные, натуроморфные, орнитологические и антропоморфные. Ценностная составляющая структуры концепта Слово характеризуется акцентуацией ценностного компонента, который, выражая когнитивно-концептуальные признаки положительного и отрицательного характера, формирует концептуальное пространство оценочных доминант, та или иная совокупность которых, моделируя определённую концептосферу, выявляет национальное своеобразие каждой из рассматриваемых лингвокультур. В результате сопоставительного и кросс-культурного анализа когнитивно-концептуальных признаков, выявленных на уровне пословичных единиц определены универсальные и национально-специфические признаки вербализации концепта Слово. Национально-культурная специфика обусловлена особенностями национального восприятия данного концепта в соответствии с ценностными доминантами каждой из рассматриваемых лингвокультур. Рассматриваемые в этом плане соотносительные единицы сравнивались по характеру: а) выражаемых ими метафорических номинаций и когнитивно-концептуальных признаков (образному, ценностному); б) по степени представленности когнитивно-концептуальных признаков в каждом из рассматриваемых языков; в) по тематической отнесённости выявленных когнитивно-концептуальных признаков; г) по принципу наличия/отсутствия когнитивно-концептуальных признаков в той или иной лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт; структура; метафора; Слово; национально-культурная специфика; лингвокультура; вербализация.

Сведения об авторе: Галиева Маргарита Рафаэловна, ORCID: 0000-0002-4325-4612, д-р филол. наук, Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан, г. Ташкент, m.galieva@uzswlu.uz

Galieva M.R.

PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF CONCEPT “WORD” (in the English, Russian and Uzbek Languages)

Abstract. The aim of this article is to study the national-cultural specifics of the concept Word and peculiarities of its verbalization on the material of paremiological units of the English, Russian and Uzbek languages. The scientific novelty of the research is determined by the identification of the specific features of the verbalization of the image-bearing and evaluative components of the concept Word in the languages under consideration. The image-bearing component of the concept Word in each language is represented by metaphorical nominations, which, according to the way of reflecting cognitive thinking, are subdivided into objective, natural, ornithological and anthropomorphic. The evaluative component of the concept Word is characterized by the accentuation of evaluative component, which expressing cognitive-conceptual signs of a positive and negative character, forms the conceptual space of axiological dominants, a set of which forms a certain conceptsphere topical for a particular culture and gives opportunity of revealing the national identity of each linguoculture under consideration. As a result of the comparative and cross-cultural analysis of cognitive-conceptual features identified at the level of proverbial units, universal and national-specific features of the verbalization of the concept Word were determined. National and cultural specifics of the concept Word is determined by the peculiarities of the national perception of this concept by the representatives of the studied linguocultures in accordance with their axiological dominants. Analyzed units were compared according to the followings: a) metaphorical nominations and cognitive-conceptual features (image-bearing, evaluative) expressed by them; b) according to the degree of representation of cognitive-conceptual features in each of the languages under consideration; c) by the thematic relevance of the identified cognitive-conceptual features; d) on the basis of the presence/absence of cognitive-conceptual features in a particular linguistic culture.

Keywords: concept, structure, metaphorWord, national-cultural specifics, linguoculture, verbalization.

About the author: Galieva Margarita Rafaelovna, ORCID: 0000-0002-4325-4612, Doctor of Philology, Uzbek State University of World languages, Uzbekistan, Tashkent, m.galieva@uzswlu.uz

Галиева М.Р. Паремнологическая репрезентация концепта «слово» (на материале английского, русского и узбекского языков) // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 2. С. 83-96. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/08>

Galieva, M.R. (2021). Paremiological Representation of Concept “Word” (in the English, Russian and Uzbek Languages). *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 83-96. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/21-2/08>

Произошедший в начале XX века в лингвистике переворот, обусловленный сдвигом научной парадигмы от структурно-семантической к антропоцентрической, характеризующейся «тенденцией поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливающей его специфический ракурс» (Кубрякова 1995:212), способствовал пересмотру многих традиционных взглядов на язык, который стал пониматься как важнейшее хранилище культурной информации и знаний о мире, отражённых и зафиксированных в языке. Такой подход к пониманию языка обусловил актуальность междисциплинарного подхода к исследованию языка, что в свою очередь привело к интеграции лингвистики с рядом смежных дисциплин: культурологией, социологией, историей, психологией, философией, антропологией, этнографией, теологией и др., с целью целостного исследования взаимодействия «язык – мышление – культура – общество».

Одним из ключевых и важнейших объектов исследования вышеуказанных наук является понятие концепта – единицы сознания, отражающей духовные ценности определенной лингвокультуры. С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы», которая отражает знание и опыт человека (Краткий словарь когнитивных терминов 1996:90). С лингвокультурологических позиций под концептом понимается «базовая единица культуры, её концентрат» (Карасик 2004:116), «сгусток культуры в сознании человека, то в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 2004:43). В качестве отличительного признака когнитивного и лингвокультурного концепта отмечается акцентуация ценностного компонента (Карасик, Слышкин 2001, Воркачёв 2007, Ashurova, Galieva 2018), которая строится на основе эмоциональных оценок поведенческих норм, являющихся ценностными доминантами той или иной лингвокультуры. В ценностной составляющей выявляется отношение носителей определённой культуры к какому-либо предмету или явлению, т. е. их эмоциональная оценка.

Проблематика концепта являлась одной из наиболее актуальных и дискутируемых в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии в период 2000–2010-х годов (см. Степанов 2004, Воркачёв 2004, 2007, Балашова 2004, Ефимова 2000 и др.). Было опубликовано множество различных работ, посвященных изучению понятия концепта и его отличия от смежных терминов (понятие, значение), проблеме структуры концепта и методологии его исследования, что обусловило появление различных подходов к их решению. Одним из

наиболее важных достижений этих работ является разработка общей методологии исследования концепта и установление чёткой структуры концепта, для номинации составляющих которой использованы различные термины: а) понятийная, б) образная и в) ценностная составляющие (Карасик, Слышкин 2001:75-80); а) ядро и б) периферия (Фрумкина 1992); а) основной признак, б) дополнительный признак и в) внутренняя форма (Степанов 2004:46-48); а) понятийную; б) образную, в) значимостную (Воркачёв 2007:7); а) образ (перцептивный и когнитивный); б) информационное содержание, в) интерпретационное поле (Попова, Стернин 2007:106-110).

Несмотря на большое разнообразие подходов и терминологии, касающихся составляющих структуры концепта, важно подчеркнуть прослеживаемую во всех работах мысль о многосоставности и многоаспектности структуры концепта, его культурной значимости и национально-культурной специфики. Кроме того, на наш взгляд, данные термины явно перекликаются, так как выделяемые исследователями ядро (Р.М. Фрумкина), основной признак (Ю.С. Степанов), понятийная составляющая (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), информационное поле (З.Д. Попова, И.А. Стернин) подразумевают исследование фактуальной информации о концепте основанной на его словарных дефинициях, а периферия (Р.М. Фрумкина), образная и ценностная составляющие (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин) предполагают собой исследование коннотативных, образных, аксиологических, национально-культурных и других концептуальных признаков, присущих тому или иному концепту.

Следует подчеркнуть, что несмотря на достаточную разработанность теории концепта, она, до настоящего времени, представляет определенный интерес при сравнительно-сопоставительных исследованиях концептов на материале разнотипных языков, так как способствует раскрытию и выявлению глубинной семантики, национально-культурной специфики и особенностей вербализации определенного концепта в рассматриваемых лингвокультурах. Это, в свою очередь, безусловно позволяет установить общее и специфичное в мышлении и культуре представителей различных лингвокультур, выявить универсальные и национально-культурные образы и когнитивно-концептуальные признаки концепта, свойственные рассматриваемым лингвокультурам, определению концептуальных пространств оценочных доминант, та или иная совокупность которых, моделируя определённую концептосферу, позволяет выявить национальное своеобразие мировоззрения и мировосприятия каждой из рассматриваемых лингвокультур.

Целью нашей статьи является сопоставительное исследование особенностей вербализации концепта Слово – одного из универсальных и наиболее значимых концептов в любой культуре, так как именно слово является основным средством выражения человеческой мысли и коммуникации между представителями различных культур. Следует подчеркнуть, что, несмотря на его культурно-историческую и социальную значимость, данный концепт является малоизученным и проблема его репрезентации затрагивалась лишь фрагментарно на материале русского языка (Степанов 2004).

В данном исследовании, исходя из особенностей рассматриваемого концепта Слово, мы фокусируемся на изучении образной и ценностной составляющих концепта Слово на материале паремиологических единиц в английском, русском и узбекском языках. Это обусловлено, с одной стороны тем, что именно образная и ценностная составляющие концепта являются наиболее значимыми с точки зрения представления аксиологических ценностей и доминант, формирующих концептуальную картину мира той или иной лингвокультуры, а с другой, спецификой материала исследования, так как именно паремиологические единицы являются своеобразными культурно-маркированными языковыми единицами, отражающими духовный и нравственный облик народа, его суждения о самых разных сторонах жизни, нравственные и бытовые правила, наблюдения над человеческой психологией, социальными отношениями, природными явлениями, т.е. народную мудрость, формировавшуюся веками. В пословицах действительность отражается образно, поэтому эти высказывания эмоционально насыщены, метафоричны, художественны и аллегоричны. Необходимость изучения вербализации концепта Слово пословицами обусловлена прежде всего тем, что они направлены на выражение как общечеловеческих, так и национально-специфических культурных ценностей.

Особенностью рассматриваемого концепта Слово является и то, что концептуальные признаки, составляющие собой ценностные и образные компоненты, обладают высокой степенью концептуальной значимости и в некоторых случаях могут быть отнесены к ядру изучаемого концепта. Следует подчеркнуть, что в зависимости от характера и особенностей вербализации концепта Слово, на первый план при интерпретации его когнитивно-концептуальных признаков выдвигается одна из составляющих концепта, которые в принципе зачастую переплетаются и их разделение является в некоторой степени условным, так как между ними нет чётких, строго очерченных границ. Неудивительно поэтому, что многие анализируемые единицы можно рассматривать и с точки зрения ценностных, эмоционально-оценочных коннотаций, и с точки зрения образных характеристик. Это объясняется тем, что категории оценки, эмотивности, образности тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако разграничение этих составляющих представляется теоретически важным в целях более детального и углублённого изучения структуры концепта и выявления в каждом конкретном случае доминирующего концептуального признака. Ценностная составляющая выражает положительные и отрицательные эмоционально-оценочные смыслы, совокупность которых формирует ценностные для той или иной культуры доминанты, определяющие культуру народа-носителя, а образная составляющая формируется в основном на основе когнитивных метафор, которые, как показал анализ, в структуре данного концепта выполняют весьма значимую роль. Языковой материал составил 55 пословиц с компонентом «**word**» в английском языке, 287 пословиц с компонентом «**сўз**» в узбекском языке и 212 пословиц с компонентом «**слово**» в русском языке.

Рассмотрим образную составляющую изучаемого концепта, которая представлена различными типами метафор, которые мотивируются понятийными сферами, являющимися источником образности и представленными в пословицах каждого из рассматриваемых

языков. Основная задача такого анализа – выявление универсальных и национально-специфичных характеристик анализируемых метафор. Так, рассмотрение образной составляющей структуры концепта Слово на уровне пословиц выявило широкий спектр метафорических номинаций, представленных большим разнообразием метафорических образов, условно подразделяющихся на предметные, натуроморфные, вегетативные, витальные, орнитологические, вкусовые, пространственные.

Метафора предметного типа строится на основе отождествления слова с различного рода предметами и, как показал анализ, в большинстве случаев с различными видами оружия (стрела, нож в русском, стрела, палка в узбекском, камень в английском языках): **англ:** *a word and a stone let go cannot be called back*; **узб:** *илмлининг сўзи – ўқ* (слово умного – стрела); *сўз найзадан ўтқир* (слово острее стрелы); *келиннинг сўзи кетмондай ботар* (слово невестки словно кетмень бьёт); *сўз суякдан ўтар, таёқ – этдан* (слово ломит кости, а палка тело); **рус:** *слово, не стрела, а пуце стрелы разит; слово не лук, в лоб не бьёт; сказанное слово – пущенная стрела; слово без ума, что фонарь без огня; слово не стрела, а к сердцу льнёт; слово не нож, а до ножа доводит.*

Несмотря на сходство семантического значения данных пословиц, в них также присутствует национально-культурный компонент. Например, в узбекском языке слово отождествляется с такими национальными реалиями, как «кетмон», орудие труда, используемое в сельском хозяйстве или в сравнении слова с палкой (*таёқ*), с хворостинкой (*чўп*), в то время как в русском языке преобладают пословицы, сравнивающие слово со стрелой.

В метафоре предметного типа Слово приписываются тактильные признаки. Данные признаки в основном находят отражение в узбекских (горячее, тёплое, холодное, обжигающее слово) и русских пословицах (мягкое, жжёт): **узб:** *иссиқ кийим танни илитар, иссиқ сўз жонни илитар* (тёплая одежда согревает тело, а тёплое слово – душу); *илиқ сўз – шакар, совуқ сўз – захар* (тёплое слово – сахар, холодное слово – яд); *ўзи совуқнинг сўзи – совуқ* (у холодного человека и слова холодные); *яхши сўз бўлдиради, ёмон сўз куйдиради* (доброе слово воодушевляет, а злое обжигает); **рус:** *мягкое слово кость ломит; слово жжёт хуже огня; недоброе слово больней огня жжёт.*

Следующий признак характеризует Слово как предмет, имеющий определённый вес, обладающий некой весомостью: **англ:** *deliver your words not by number, but by weight*; **рус:** *пустое слово как солома, – много местом, да мало весом; где слова редки, там они вески; пустые слова, что орехи без ядра.*

Как показал анализ языкового материала, в узбекском языке в отличие от английского и русского языков наличествует метафора предметного типа «слово – красота, украшение», в которой слово выступает как главное украшение человека: *ҳусн – сўзда, уят – кўзда* (красота в словах, а скромность в глазах); *ариқни сув безайди, одамни – сўз* (арык (канал) украшает вода, а человека слово); *анжом – уй зийнати, сўз – инсон зийнати* (красота дома в вещах, а человека в словах). Данный тип метафоры можно считать национально-культурно

маркированным, что обусловлено аксиологической и эстетической значимостью различных украшений в восточной культуре.

В структуре концепта также выделяется метафора натуроморфного типа, в которой Слово в основном соотносится с ветром и с водной стихией: **англ:** *words are but wind; words and feathers the wind carries away; flow of words is not always flow of wisdom*; **узб:** *дала тузини сув олса, кўнгил гамини сўз олади* (как вода орошает солёную землю, так и слово печальное сердце); *сел ариқни бузар, ёмон сўз – дилни* (сель уничтожает арык, а злое слово – сердце); *тоза сувни ер олар, яхши сўзни эл олар* (земля насыщается чистой водой, а человек добрым словом); **рус:** *доброе слово человеку, что дождь в засуху; в мелких словах и большое дело утопить можно*. Специфика данной метафоры заключается в том, что в английском языке **word** в основном соотносится с ветром, в то время как в узбекском языке много паремий, выражающих соотношение «сўз – сув», т.е. слово – вода, что объясняется географическим положением и засушливым климатом Узбекистана, обусловившим особенное отношение узбекской культуры к воде, являющейся источником жизни.

Метафора вегетативного типа в английском языке, представлена в отождествлении **word** с листьями, сорняками, в узбекском в основном с корневищем, что обусловлено тем, что в узбекской лингвокультуре корень растения или дерева символизирует крепость: **англ:** *deeds are fruits, but words are leaves; good words without deeds are rushes and reeds*; **узб:** *сўз кишининг – ўзаги, одоб кишининг – беаги* (корень (сущность) человека в словах, а красота в воспитании); **рус:** *слово – семя, поле/я словами не засевают; молитвой не пахнут, словами не жнут*.

В метафоре витального типа Слово наделяется человеческими качествами: может говорить, раздражать, ломать, разрушать, причинять боль, рождаться, умирать. В английских пословицах Слову также приписываются психо-ментальные свойства (*mad, ill*): **англ:** *one ill word asks another; actions speak louder than words; for mad words, deaf ears; good words anoint us and ill do unjoint us; fair words hurt not the mouth; fair words break no bones*; **узб:** *сўзи ўлганнинг ўзи ўлар* (у кого умирает слово, и сам умирает); *нафсининг сўзига кирма, хиёнатга йўл очар* (не слушай слова алчности, они откроют путь к предательству); **рус:** *живым словом победить; слово слово родит, третье само бежит; живое слово дороже мёртвой буквы; слово не обух, в лоб не бьёт*.

Метафора орнитологического типа основана на отождествлении Слова с птицей или со свойственными ей характеристиками: **англ:** *words have wings and cannot be recalled; words fly, writings remain*; **узб:** *сўз чумчуқ эмас, оғиздан чиқса тутиб бўлмас* (слово не воробей, вылетит – не поймаешь); *ёмон сўзнинг қаноти бор* (у плохого/злого слова есть крылья); *айтган сўзни қайтариб бўлмас, учган қушни – қўндириб* (сказанное слово не воротить как и улетевшую птицу); **рус:** *слово не воробей, вылетит – не поймаешь; слово не воробей, вылетит – жди беды*.

Слово имеет вкусовые признаки и ассоциируется с различными видами пищи. Слово может быть вкусным и невкусным, сладким и горьким, солёным и несолёным, в зависимости

от оценочной направленности. Следует отметить, что данный образ в основном представлен пословицами узбекского языка, частично русского и не отражён в английском языке: **узб:** *ширин сўз шакардан ширин* (сладкое слово слаще сахара); *ширин сўз – қаймоқли айрон, аччиқ сўз – бўйнига арқон* (сладкое слово как сливки, а горькое слово как аркан на шею); *яхшии сўз болдан ширин* (доброе слово слаще мёда); *мазали сўзга қулоқ чарчамас* (от «вкусного» слова уши не устают); *бугдой нонинг бўлмасин, бугдой сўзинг бўлсин* (пусть у тебя не будет пшеничного хлеба, но будет «пшеничное» слово); **рус:** *ласковое слово слаще мёда; доброе слово лучше мягкого пирога*. Данный вид метафоры является доминирующим в узбекском языке, что обусловлено особенностями национальных традиций и обычаев, связанных с восточным гостеприимством и особым отношением к приготовлению блюд: (слово – сладкое как сахар, сладкое как мёд, вкусное как сливки, вкусное как хлеб, горькое как лекарство и т. д.).

Таким образом, в пословицах рассматриваемых языков широко представлены различные типы метафор. Являясь одной из форм концептуализации, они выражают новые понятия и представления, имеющиеся в содержательной структуре исследуемого концепта.

Далее рассмотрим ценностную составляющую структуры концепта, которая отражает положительные и отрицательные смыслы. Положительная эмоциональная оценка представлена пословицами, выражающими признаки характеристики таких качеств человека, как:

а) доброе отношение к человеку: **англ:** *good words are good cheap; fair words are best; good word cost nothing; good words cost nothing and are worth much*; **узб:** *ширин юзингдан, ширин сўзинг аъло* (доброе слово лучше доброго лица); *ширин ошинг бўлмасин, ширин сўзинг бўлсин* (сладкое/доброе слово лучше сладкого плова); *меҳмонга ширин сўз бер* (встречай гостей сладкими/добрыми словами); **рус:** *где слово привета, там улыбка для ответа; доброму слову – добрый ответ; ласково слово не трудно, да спору; от приветливых слов язык не отсохнет; доброе слово лучше мягкого пирога*.

Несмотря на совпадение смыслового содержания пословиц в трёх рассматриваемых языках, в них прослеживаются и национально-специфические особенности. В английском языке, значимость **word** определяется материальной стоимостью (*cheap, cost*). В узбекском языке, **сўз** по своей значимости соотносится с такими реалиями узбекской культуры, как гостеприимство, хлебосольство, угощение. В русском языке подчёркивается важность добрых взаимоотношений и «лёгкость» доброго слова.

б) честность и обязательность: **англ:** *an Englishman's word is as good as his bond*; **узб:** *ўзи тўғрининг – сўзи тўғри* (у честного человека и слово честное); *турсанг сўзингда ҳурмат ўзингга* (держи слово, будет тебе и уважение); **рус:** *слово давать, так слово держать; слово лучше печати; слово – закон, держись за него как за кол/кон; не дав слова крепись, а дав слово держись; что слово, то и дело*. Данный когнитивно-концептуальный признак носит универсальный характер, так как честность является культурной ценностью во всех лингвокультурах. Несмотря на это прослеживается некоторое отличие смысловой нагрузки

этих пословиц. Так, в пословицах русского языка в основном подчёркивается идея о том, что обещание надо всегда держать, а в узбекских подчёркивается мысль, что верность своему слову определяет честность и порядочность человека.

в) ум, сообразительность, мудрость человека: **узб:** *фикри равшаннинг сўзи равшан* (умного и слова умные); *ақлига бир сўз бас, ақлсизга минг сўз оз* (умному достаточно одного слова, а глупому и тысяча мало); *сўз қадрини билмаган, ўз қадрини билмас* (тот кто не ценит слова, не ценит и себя); **рус:** *умное слово в беде друг; умный слова боится, а глупый и побоев не побоится*. Следует отметить, что в узбекском языке этот когнитивно-концептуальный признак представлен более широко и акцентируется посредством контрастного сопоставления, вербализуемого в антитезе: слово умного – слово глупого; слово хорошего человека – слово плохого человека.

В ценностной составляющей исследуемого концепта на уровне пословичного текста отрицательной оценкой отмечены такие качества человека, как:

а) плохое, недоброе, язвительное отношение к человеку: **англ:** *many words cut/hurt more than swords; ill words are bellows to a slackening fire*; **узб:** *сел ариқни бузар, ёмон сўз дилни* (сечь уничтожает арык, а слово сердце); *яхши сўз – юрак ёғи, ёмон сўз – юрак доғи* (доброе слово масло для сердца, а злое – шрам); *яхши сўз тўрга элтар, ёмон сўз гўрга* (доброе слово доведет до вершины славы, а злое доведёт до могилы); **рус:** *слово не стрела, а сердце сквозит/язвит; бритва скребёт, а слово режет; что слово то ком; иное слово хуже стрелы*.

б) лицемерие, нечестность, фальшь, лживость: **англ:** *a man that breaks his words bids others be false to him; fair words and foul deeds cheat wise men as well as fools; in many words a lie or two may escape; good words and ill deeds deceive wise men and fools*; **узб:** *ўзига боқма, сўзига боқ* (смотри на слова, а не на человека); *сўзи бошқа, ўзи бошқа* (слова одни, дела другие); **рус:** *птицу кормом, человека словом обманывают; слово бело, да дело черно; на словах, что на перине, а проснёшься – наголе*.

в) болтливость, многословие: **узб:** *сўзи сўзга ўхшамас, оғзи сўздан бўшамас* (слово на слово не похоже, а не перестаёт болтать); *ақли иш севар, ақлсиз – сўз* (умный дело любит, а глупый – слова); **рус:** *слово за словом вперёбой идёт; ради красного словца не пожалеет родного отца; ради красного словца не пощадит ни матери, ни отца; ты ему слово, а он тебе десять*. Данный когнитивно-концептуальный признак представлен в основном в пословицах узбекского и русского языков.

г) неумение излагать мысли и косноязычие: **узб:** *сўз ожизи бўлгунча – кўз ожизи бўл* (лучше быть слепым, чем немым); *сўз билмаган кишидан, ҳура билган ит яхши* (лучше лающая собака, чем человек не могущий слова связать); *соқов сўзининг сўнгини кут* (жди пока косноязычий договорит); **рус:** *говорит, будто слово слову костыль подаёт; слово по слову, что на лопате подаёт; слово вымолвит, ровно жвачку пережёвёт*. Признак «косноязычие» акцентируется чаще в узбекских пословицах. Неумение излагать мысли, косноязычие порицается как отрицательное явление, которое может навлечь беду и несчастье,

что объясняется тем, что на Востоке большое значение придавалось формам словесного этикета, а также ораторскому искусству и его роли при ведении переговоров. Так, при помощи искусного использования слова можно было установить дружественные отношения с недругом, предотвратить войны.

д) сожаление о сказанном, опасность непродуманного слова, невозможность вернуть сказанное: **англ:** *while the word is in your mouth, it is your own, when it is spoken it is another's; a word spoken is past recalling; when the word is out it belongs to another;* **узб:** *сўз ўйлаганда ўйлаб айт, оқибатин бўйлаб айт* (говори обдуманные слова, думай о последствиях); *айтилмаган сўзни айттириб бўлар, айтилган сўзни қайтариб бўлмас* (не сказанное слово можно сказать, а сказанное слово уже не воротишь); *огиздан чиққан сўз қайтмас* (вышедшее из уст слово не воротишь); **рус:** *и дорого б дал за словечко, да не воротишь; коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь; сорвалось словцо – не схватишь за кольцо; слово выпустишь, так и крюком валом не втащишь.*

В данном признаке в английских пословицах внимание акцентируется на «принадлежности» сказанного слова другому (*belongs, own, another's*), в узбекских призывается к осторожности в использовании слов (*сўз ўйлаганда ўйлаб айт, билган сўзни айт*), в русских подчёркивается необратимость слова, невозможность вернуть сказанное (*не воротишь, не втащишь*).

е) безответственность, расхождение между словом и делом: **англ:** *a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds; there is a great difference between word and deed; from word to deed is a great space; fine words dress ill deeds;* **узб:** *минг сўздан, бир иш яхши* (лучше одно дело чем тысяча слов); *сўзига боқма, ишига бок* (не суди по словам, суди по делам); *сўз билан аққа-баққа, иш билан ҳеч қаёққа* (словами и туда и сюда, а делом никуда); **рус:** *кто словом скор, тот в деле не спор; на словах и так и сяк, а на деле никак; много слов, да дела мало; в словах ретив, а в деле ленив; слов много, а дела мало; не по словам судят, а по делам; от слова до дела не близко; на словах – орёл, а на деле – мокрая курица.*

Характерной особенностью представленных пословиц является их построение по принципу оппозиции: **слово – дело**. Несмотря на общее сходство представленных пословиц, наблюдаются и некоторые расхождения. В английских пословицах подчёркивается отрицательная характеристика слова, в узбекских передаётся не столько негативное отношение к слову, сколько положительная оценка дела, а в русских отрицательно оценивается склонность человека к многословию, пустословию.

Выше мы рассмотрели общие когнитивно-концептуальные признаки исследуемого концепта на уровне пословичных текстов, которые можно назвать универсальными и которые в большинстве своём по смысловому содержанию совпадают в трёх языках. Но даже при сопоставлении этих признаков обнаруживается наличие национально-культурного компонента. Это проявляется в плане: а) частотной репрезентации рассматриваемых языковых единиц в каждом языке; б) наличия/отсутствия тех или иных пословиц; в) в различиях

смыслового содержания пословиц, вербализующих перечисленные когнитивно-концептуальные признаки.

Наиболее отчётливо алломорфные признаки проявляются в тех пословицах, которые не имеют эквивалентов в другом языке. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в каждом из исследуемых языков имеются пословицы, которым присуща национально-культурная специфика. Следует отметить, что алломорфные признаки представлены в основном в пословицах, актуализирующих ценностные отношения (оценку поведенческих норм) рассматриваемых лингвокультур. Так, например, в английском языке в отличие от узбекского языка имеются пословицы с компонентом **word**, подчёркивающие болтливость, многословие человека в нетрезвом состоянии: *when wine sinks, words swim; many words would have much drink*.

Наиболее ярко национально-культурная специфика представлена в узбекских пословицах с компонентом **сўз**, в которых специфически отрицательно характеризуются:

а) хвастовство и пустословие: *қўрқоқнинг кўзи катта, дангасанинг сўзи* (у труса большие глаза, а у ленивого слова); *қуруқ сўз қулоққа ёқмас* (пустые слова раздражают уши);

б) склонность к сплетням: *кўз етмаган жойга, сўз етар* (слова доходят туда, куда не доходят глаза); *сўз оёқдан илгари борар* (слова быстрее ног); *ўн оғиз сўз минг оғиз бўлар* (десять слов становятся тысячью); *ўттиз тишдан чиққан сўз, ўттиз уруққа тарқалар* (слова, вышедшие из тридцати зубов, доходят до тридцати родственников).

В узбекских пословицах акцентируется также положительная оценка следующих культурных ценностей:

в) важность, сила, меткость правдивого слова: *тўғри сўз тошни ёрар, эгри сўз – бошни* (правдивое слово камень ломает, а не правдивое – голову); *тўғри сўзга фил чўқар* (правдивым словом и слона можно утопить); *тўғри сўз аччиқ бўлар* (правдивое слово – горькое); *тўғри сўз қулоққа ёқмас* (правдивое слово не по нраву ушам); *тўғри сўзнинг тўқмоғи бор* (правдивое слово словно дубинка); **г) значимость родительского слова**, что обусловлено требованием уважительного отношения к родителям в узбекской культуре: *оталар сўзи – ақлнинг кўзи, оналар сўзи – бахтнинг ўзи* (отцовское слово – кладезь ума, материнское слово – само счастье); *она ақли – қиз ақли, ота сўзи – ақл кўзи* (материнский ум – ум девушки, отцовское слово – кладезь ума); **д) противопоставление доброго и злого слова (яхши – ёмон);** в них подчёркивается сила эстетического и психологического воздействия **слова** на человека: *яхши сўз кулдирар, ёмон сўз ўлдирар* (доброе слово радует, а злое – убивает); *яхши сўз юракка малҳам, ёмон сўз юракка ғам* (доброе слово – лекарство для сердца, а злое – печаль); *яхши сўз – жон озиғи, ёмон сўз – бош қозиғи* (доброе слово – духовная пища, злое слово – головная боль); *яхши сўз суюнтирар, ёмон сўз куюнтирар* (доброе слово радует, а злое расстраивает); **е) представленность гендерного признака маскулинности.** **Сўз** как «слово чести, обещание, мнение» приписывается в большей степени лицам мужского рода, чем женского: *эр сўзи – эл сўзи* (слово мужчины – слово народа); *арслон изидан қайтмас, йигит сўзидан* (лев не поворачивает с тропы, а мужчина не

нарушает слова); *йигитни бир сўзлик безар* (держать слово – главное достоинство мужчины); *эр йигитнинг сўзи ўлгунча – ўзи ўлгани яхиши* (смерть (мужчины) лучше чем смерть слова).

В русских пословицах, в отличие от английских и узбекских, слово:

а) отождествляется с заклинанием, чародейством, магией, при помощи которых можно было уберечь или спрятать что-либо от чужих глаз или от порчи. Это связано с древними представлениями о слове как сущности, наделённой магической силой: *овин со словом поставлен, – не горит; клад со словом кладут, кому дастся, а кому нет*; **б) употребляется в значении «сватать»**, отражающее национальные традиции и обычаи русского народа: *не сидеть пришли, а с добрым словом; поезжай на обед, а слово повези на ответ*. Употребление лексемы **слово** в этом значении в английской и узбекской лингвокультурах нам не встретилось; **в) отражает** такую черту характера человека, как **вспыльчивость**, ведущую к ссоре, драке, и даже гибели: *от слова да за нож; худое слово доведёт до дела; слова нет, так и спору нет; за слова голова гинет; лишнее слово в досаду/грех вводит; слово слово родит, третье само бежит; от одного слова, да на век ссора*.

Таким образом, в результате проведённого сопоставительного анализа нами выявлены изоморфные и алломорфные характеристики пословичных текстов. Рассматриваемые в этом плане соотносительные единицы сравнивались по характеру: а) выражаемых ими когнитивно-концептуальных признаков (понятийному, образному, ценностному); б) по степени представленности когнитивно-концептуальных признаков в каждом из рассматриваемых языков; в) по тематической отнесённости выявленных когнитивно-концептуальных признаков; г) по принципу наличия/отсутствия когнитивно-концептуальных признаков в той или иной лингвокультуре.

В процессе такого анализа выявлена национально-культурная специфика рассматриваемых языковых единиц, которая обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К лингвистическим факторам можно отнести: а) тематическую принадлежность рассматриваемых единиц; б) специфику метафорических образов; в) наличие/отсутствие соответствующих языковых единиц в исследуемых языках. К экстралингвистическим факторам относятся особенности национальной культуры и мировосприятия, получившие отражение в содержательной структуре концепта.

ИСТОЧНИКИ

Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Астрель, 2004. 750 с.

Халмухаммедов А. Жемчужины мысли народной. Афоризмы, изречения, пословицы. Ташкент, 1972. 208 с.

Селиванов Ф., Кирдан Б., Аникин В. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1993. 537 с.

Мирзаев Т., Мусокулов А., Саримсоков Б. Ўзбек халқ мақоллари (Узбекские народные пословицы) / Под ред.: Ш. Турдимова. Ташкент: Шарк, 2003. 512 б.

A Book of English Idioms, with Explanations/ Collins V.H. London: Longman, 1998. 258 p.

Christy R. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages: 2 vol. Lnd. 1998.

Fergusson R. The Penguin dictionary of proverbs. Penguin Group USA, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2004. 23 с.

Воркачёв С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.

Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2000. 19 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 75-80.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Институт языкознания, 1995. С. 144-238.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток Запад, 2007. 314 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. 1992. Т. 2. № 3. С. 1-7

Ashurova D.U., Galieva M.R. Cognitive Linguistics. Tashkent, 2018. 160 p.

REFERENCES

Balashova, E.Yu. (2004). Kontsepty lyubov' i nenavist' v russkom i amerikanskom yazykovykh soznaniyakh. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Saratov. (in Russian).

Vorkachev, S.G. (2007). Lyubov' kak lingvokul'turnyi kontsept. Moscow. (in Russian).

Vorkachev, S.G. (2004). Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept. Moscow. (in Russian).

Efimova, N.N. (2000). Ontologizatsiya kontsepta "risk" v angliiskoi frazeologii: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Irkutsk. (in Russian).

Karasik, V.I. (2004). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Moscow. (in Russian).

Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2001). Lingvokul'turnyi kontsept kak edinita issledovaniya. In *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: Sbornik nauchnykh trudov*, Voronezh, 75-80. (in Russian).

Kubryakova, E.S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza). In *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*, Moscow, 144-238. (in Russian).

Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G., & Luzina, L.G. (1996). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow. (in Russian).

Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. Moscow. (in Russian).

Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. Moscow. (in Russian).

Frumkina, R.M. (1992). Kontseptual'nyi analiz s tochki zreniya lingvista i psikhologa (kontsept, kategoriya, prototip). *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*, 2(3), 1-7. (in Russian).

Ashurova, D.U., & Galieva, M.R. (2018). *Cognitive Linguistics*. Tashkent. (in Uzbek).

© Галиева М.Р., 2021